

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 94(97)

А.В. БИРЮКОВ

“РИМСКИЙ МИФ” КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

В статье рассматривается содержание и структура так называемого “римского мифа” – особой имперской идеологии, сформировавшейся в Древнем Риме. Предпринята попытка систематизировать имеющиеся в научной литературе подходы к определению “римского мифа”. Выделяются и анализируются его главные компоненты: убежденность в превосходстве над другими народами, вера в вечность Рима и его историческую миссию – править миром. Показано вхождение в его структуру новых идей, таких как вечность Рима и особая роль личности императора. Рассмотрены причины живучести “римского мифа” в эпоху упадка Римской империи, а также обозначены пути эволюции идеи универсальной империи в позднейший период.

Введение

Политическая мифология – весьма интересный предмет научного исследования, привлекающий пристальное внимание ученого сообщества. Отдельные авторы даже предлагают рассматривать весь исторический процесс как череду политических мифов [1, с. 184]. Однако в современных работах анализируются преимущественно актуальные ситуации политического мифотворчества, между тем как аналогичные процессы в древности в основном остаются вне поля зрения исследователей.

“Римский миф” как историческое явление и яркий образец детально разработанной политической мифологии постигла аналогичная судьба. Попытки рассмотрения этого феномена предпринимались некоторыми советскими антиковедами еще в конце 1960-х гг., однако данная тема не получила развития в отечественной марксистской науке: подготовленный в тот период доклад С.Л. Утченко был опубликован только в 1998 г.¹ Наиболее важные работы в контексте обозначенной темы появляются в 1990-х гг. и принадлежат главным образом перу известнейшего специалиста в области античной культуры Г.С. Кнабе². Вместе с тем, для более полного понимания сущности “римского мифа” полезными оказываются материалы исследований в области политологии и социальной философии, проясняющие механизмы процессов политического мифотворчества, структуру общественно-политических мифов, феномен их живучести и укорененности в массовом сознании.

¹ См.: Утченко, С.Л. Факт и миф в истории / С.Л. Утченко // Вестник древней истории. – 1998. – № 4. – С. 4-15.

² Подробнее о теории общественно-исторических мифов см.: Кнабе, Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф, история / Г.С. Кнабе // Тит Ливий. История Рима от основания Города: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. III. – С. 590-655; Кнабе, Г.С. Материалы к лекциям по общей теории и культуре античного Рима / Г.С. Кнабе. – М.: Индрик, 1993. – 527 с.

Основная часть

Мифология является консолидирующим и скрепляющим началом любого народа. Народ существует, пока существует его собственная, обособленная от других, национальная мифология [2, с. 31]. Она представляет собой совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт общества, закодированный в символических образах. Это также образ нравственного идеала нации, своего рода аллегорическая автобиография нации [2, с. 10, 83].

Политическая мифология есть производное от национальной мифологии; она эксплуатирует образы и символы последней в политических целях [12, с. 208]. В современной науке сформировалось представление о политическом мифе как о некой идеальной реальности, содержанием которой является вера людей в свое общество и государство³ [3].

Специфика политических мифов заключается в том, что они создаются не массовым сознанием, а творческими личностями из среды и по заказу правящей элиты. Любую элиту можно рассматривать как особый клан специалистов по трансформации социального опыта в коллективной памяти общества. Именно элита наделена в общественном сознании умением оперировать всем совокупным опытом народа за всю его историю [2, с. 49]. Однако при этом политические мифы всегда ориентированы на массы. Рожденная элитой символическая история нуждается в общественном признании. Коллективное, народное сопереживание мифу превращает мифическую историю в эталон при оценке реальных событий. Именно поэтому правящие элиты во все века пытались разрабатывать и насаждать мифы (в основном религиозно окрашенные), добиваясь с их помощью легитимации своей власти [2, с. 31, 169-170].

Воспитание национального самосознания политической и творческой элитами через создание политической мифологии и совершение национальных ритуалов является одним из важных путей формирования самоидентификации народа [2, с. 83]. Кроме того, политические мифы влияют на поведение личностей и масс, на тот образ, в котором люди видят свою историю [4, с. 248]. Эти мифы выполняют важную компенсаторную функцию, они нужны в критические моменты истории, однако потребность в аналогичных мифах испытывали и экспансионистские (империалистические) государства [5].

В центре политических мифов обычно помещаются события, связанные с обретением родины, формированием и расцветом своей государственности, с великими завоеваниями, а иногда – с ужасной катастрофой, прервавшей поступательное развитие данного народа. Первый из этих моментов легитимирует право данного народа на территорию, второй позволяет считаться политическим субъектом и дает право на образование своей государственности, а третий и четвертый, несмотря на их полную противоположность, представляются сильными аргументами для того, чтобы занять достойное (или исключительное) место в сообществе народов [5].

На национальной и политической мифологии всегда основывается государственная идеология. Она существует в виде официального учения об истории, характере и будущем нации, формах ее государственного устройства, ритуала и символики. При этом в процессе формирования идеологии должна обязательно сохраняться

³ Впрочем, некоторые исследователи предлагают и более громоздкие определения: "Под политическим мифом мы понимаем комплекс аксиологически оформленных постулатов, объединенных общей, иррациональной, по сути своей, идеей, формирующий весь спектр мировоззренческих установок индивида через посредничество так называемых "идеологий"... которые представляют собой публицистически-пропагандистские, псевдорациональные версии исходного мифа как акта веры" [1, с. 183].

метафоричность образов, поскольку идеология создается не для интеллектуальной элиты, а для ее восприятия массовым сознанием. Поэтому процесс оформления идеологии для масс включает все приемы мифотворчества [2, с. 204].

Национальная и политическая мифологии составляют фундамент идеологии, а национальный идеал – ее краеугольный камень. В национальной мифологии центральным является образ Родины-Матери, в политической – образ сверхчеловека, а в рамках государственной идеологии оба этих образа составляют единое целое, будучи трансформированы в образ национальной державы либо империи и в образ главы государства как осуществителя национального идеала, персонифицированную актуализацию абсолютной стабильности [2, с. 203-204, 208-209].

Феномен общественно-политической мифологии был известен практически всем древним обществам как Запада, так и Востока [3]. Что касается Европы, то в течение всего своего существования античность создавала и распространяла разнообразные мифы – философские, художественные, религиозные и, несомненно, политические. Именно в античности миф оказался наиболее глубоко укоренен в исторической жизни, пронизывая все ее сферы. Вся античная культура, выйдя из мифа, продолжала жить в мифе и мифом. В античности же произошла и первая интерпретация мифа: он стал рассматриваться как реальное прошлое, подлинная история [6, с. 646; 7, с. 163, 167].

Пожалуй, наиболее впечатляющую политическую мифологию древности создали римляне. Мифологизированность была вообще свойственна римскому сознанию; вся система тогдашнего образования и воспитания погружала человека в мир мифологической образности [7, с. 265]. Вместе с тем, римское мифологическое сознание было скуднее греческого: “Рим беден даже мифами”, – писала российская исследовательница мифологической культуры О. Фрейденберг [8, с. 281]. Вектор развития римского менталитета заключался в движении от мифа как мироощущения к мифу как государственной идеологии [1, с. 188].

Политическая мифология римлян, создавшая грандиозный образ великого и вечного Рима, уготованного богами для великой цивилизаторской миссии, получила в историографии название “римский миф”. Его становление было связано с этапами развития самого Римского государства и началось примерно в III в. до н.э. [3]. Самая значительная волна политического мифотворчества пришла на “Августов век”, когда в структуру “римского мифа” были включены все главные компоненты, а его имперский характер проявился в полной мере. Пропаганда могущества Рима стала основной составляющей официальной идеологии Принципата. В дальнейший период (II – III вв.) имела место эксплуатация главных постулатов “римского мифа”, когда общегосударственное распространение приобрел культ Вечного Рима (Roma Aeterna).

Важно отметить, что ядро любого политического мифа – это некий идеал и сверхзадача [1, с. 185]. Мессианизм вообще является неотъемлемым атрибутом и одним из столпов могущества в идеологии любой империи [9, с. 15]. “Римский миф” всегда содержал в себе огромный имперский потенциал. Он не столько реконструировал и освящал малоизвестное римлянам их собственное прошлое, сколько нацеливал на героическое и воинственное настоящее во имя славного и великого будущего, предполагал осуществление грандиозной объединительной миссии Рима в “круге земель” – т.е. во всем известном античному человеку заселенном мире.

Политическая мифология часто выдвигает тезис о “нехороших” и “богоизбранных” нациях и возвышает свою нацию до уровня “священной” [2, с. 50]. “Римский миф” также был глубоко шовинистичен (по отношению к другим народам) и моралистичен (в отношении самих римлян). Социальные и политические цели римляне выводили из моральных идеалов. Наибольший морализатор из авторов “римс-

кого мифа” – Тит Ливий – персонифицировал наиболее значимые этические качества – доблесть, благочестие, верность, скромность, умеренность – в героях римской старины. Напротив, враги Рима в трудах римских авторов предстают вместе с лицом дикости нравов, невежества и коварства⁴. Именно убежденность в моральном превосходстве римлян, в неукоснительной приверженности Римского государства заключенным договорам и верности взятым обязательствам питала миф о превентивном характере римских завоеваний, равно как идея осуществления возложенной на Рим миссии править миром ставилась в зависимость от следования каждого поколения римлян обычаям предков – *more maiorum* [3]. Превосходство над другими народами – важнейшая часть идеологии “римского мифа”.

Нация всегда привязана к своему историческому пространству [2, с. 87]. В огромном Римском государстве нивелировались географические и иные особенности, зато возвышался образ единственного Города, получившего со временем эпитет *Вечный*. Это не случайно, поскольку центральный архетип любой национальной мифологии – образ великой Родины-Матери, который символизирует происхождение и предназначение народа. Родина – это священный образ, концентрирующий всю мифологию, это, как отмечал В.С. Полосин, “общенациональная икона, демонстрирующая прошлое, настоящее и будущее нации в их единстве” [2, с. 80]. Однако в римской политической мифологии священный образ Родины-Матери был подменен Волчицей-мачехой, вскормившей младенцев, основавших затем Великий Город. Поэтому экспансионистская сущность Рима была предопределена в первоначальной символике – мачеха вместо Матери [2, с. 80].

Имперский характер “римского мифа” объясняется также тем, что в центре его “стояли не боги, не космос, не человечество, а Рим, римский народ, его история, в которой неразрывно переплеталось божественное и человеческое... В отличие от народов, мифологизировавших историю, римляне историзировали мифологию” [10, с. 47]. Если в Греции воплощением мифологической тотальности был *онтологический* универсализм (т.е. философия), то в Риме – универсализм *социальный* (т.е. Империя) [15, с. 188].

Коллективный социальный опыт народа – его история – также обычно абсолютизируется до уровня центральной истории мироздания и географического центра Вселенной [2, с. 77, 84]. “Римский миф” закреплял представления о Риме как о естественном центре ойкумены – Вечном Городе (*Urbs Aeterna*), объединившем все цивилизованное человечество, ставшем для всех народов единой отчизной.

Государственная идеология, как отмечалось выше, помимо политической интерпретации истории и пространства Родины-Державы, включает учение о прародителе нации и продолжателе его дела – главе государства. У римлян такими прародителями выступали, во-первых, Эней, приведший предков римского народа из разрушенной Трои в Италию, а во-вторых – Ромул, основавший “новую Троию” – Рим. Продолжателями их дела мыслились императоры. Их фигуры обретали сверхчеловеческие черты, что характерно для политических мифов [2, с. 185]. Например, с Августом связывали практическое воплощение “римского мифа” – установление всеобщего мира и возврат на землю “золотого века”. Траян был олицетворением максимального территориального расширения империи. Начиная с III в. н.э. в официальной жизни конкретная личность отходит на задний план перед абстрактным образом императора.

Таким образом, идеологией Римской империи была наднациональная политическая мифология, скрепленная единым религиозно-политическим идеалом

⁴ См. об этом подробнее: Бирюков, А.В. Поэты “Августова века”: литературно-политическая деятельность (к вопросу об оформлении концепции “римского мифа”) / А.В. Бирюков // Весник МДУ імя А.А. Куляшова. – 2007. – № 1. – С. 34-35.

Вечного Рима. Мировому типу империи соответствовал религиозно-политический тип ее мифологии – тотально-принудительная мессианская утопия. В этой идеологии была заложена конечная цель – распространение своего суверенитета на весь мир [2, с. 216, 219]. Исследователи феномена империи отмечают: империя уникальна тем, что в ней слиты воедино конкретно-историческая данность и некая метафизическая тайна, геополитическая (и часто уродливая) реальность и мистическая по духу универалистская идея. В империях воедино сливаются время и вечность; своей статикой они будто бросают вызов самой истории, и потому их мифы не умирают. Присущая разуму идея универализма с наибольшей полнотой воплощается в политической жизни – в империи, в сфере разума – как философия всеединства, в царстве духа – как мировая религия. Не случайно Римская империя как пластически оформленное единство человечества оказалась наиболее адекватна как стоическому учению о Целом, так и монистическим принципам христианства. В рамках римской традиции универализм и космизм были внешней экспансией римского шовинистического мифа, воспринимавшего мир через призму *Roma Aeterna* как результата реализации провиденциальной миссии Города [1, с. 180, 187, 189].

“Идея Рима”, или концепция универсальной внеисторической империи как единственно правильной формы организации цивилизованных людей, родившись на рубеже новой эры, пустила глубокие корни. Хотя римский мир впоследствии распался, “римский миф” в форме универалистской идеи римской государственности продолжал жить в общественном сознании. “Последний римлянин” Флавий Кассиодор в VI в. н.э. создал иллюзию вечности Рима, когда им правили варвары: считалось, что Рим по-прежнему остался центром мира, а готское завоевание всего лишь сменило императора на короля. Даже в “темные века” европейской истории (VI – X вв.), по выражению английского историка П. Ллевелина, “Рим оставался столицей империи, пропитанной греческим и римским имперским духом” [4, с. 27].

Истоки данного феномена лежат в сформировавшемся к этому времени тождестве “Рим – это мир”. В эпоху империи Рим в глазах людей уже стал Вселенной. Начало подобным представлениям было положено еще в правление Августа,⁵ а к IV в. все провинции чувствовали себя членами единого целого – империи [11, с. 61, 329]. Формируется своеобразная идеологическая формула: Вселенная – это Империя, а Империя – это Вселенная. Если первая часть формулы выражает представление о централизованной иерархической структуре мира (Юпитер (Геркулес, Аполлон, Христос) на небе – император на земле), то вторая – универализм, всемирный охват государства: Вселенная всеобъемлюща, и Рим имеет право владеть всей Вселенной [12, с. 62, 67]. В контексте Римского государства употребляются термины *orbis*, *kosmos*, *oikoumene* [13, с. 15]. Не случайно падение Рима было воспринято современниками как знак крушения всего *мира* и конец истории человечества.

Таким образом, поздняя античность завершается концепцией вселенской Империи с единым и всемогущим центром. Сам город Рим возвышается до высочайшего идеологического уровня, обожествляется (культ богини Ромы) и почитается вечным, т.е. находящимся вне исторического времени [14, с. 81]. К тому же Рим мыслился как наднациональный институт, провозглашавший унификацию народов в рамках общего единства, как некая суперструктура над культурно-идеологическими и политическими структурами отдельных государств и народов [15, с. 127].

⁵ См. об этом подробнее: Бирюков, А.В. Поэты “Августова века”: литературно-политическая деятельность (к вопросу об оформлении концепции “римского мифа”) / А.В. Бирюков // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2007. – № 1. – С. 35-36.

Одновременно в эпоху Поздней империи произошло переосмысление имперской идеи: она теснейшим образом соотносится с христианством. Автор IV в. Пруденций верил в провиденциальную миссию Рима, но тесно увязывал будущее империи с идеей распространения христианской религии, с необходимостью небесного заступничества Христа. У Сократа Схоластика, автора V в., находим эту же оптимистическую идею постоянного роста и усиления христианской империи с помощью Бога [16, с. 14, 21-22].

Связь идеи империи и христианства ярче всего выражена в творчестве Евсевия Кесарийского. Он писал: "в одно и то же время по небесному изволению появились два ростка, которые поднялись над землей и покрыли своей тенью весь мир, – это Рим и христианская вера, предназначенные соединить в своих недрах весь род человеческий в вечном единении... все люди соединятся в одну семью под общим скипетром" [17, с. 11]. Евсевий помещает *Imperium Romanum* на место библейского универсального мира народов, Царства Божия. Это царство соединило империю и христианскую церковь в новую универсальную организацию – империю-церковь [15, с. 128].

В поздней империи Единый Бог стал средством скрепления единства: земная власть императора – вице-Христа – была объявлена отобразенным небесным отечеством для всех подданных. Государственное христианство с IV в. приняло форму не столько религии, сколько унитарной космополитичной идеологии "священной" вселенской империи [2, с. 98, 390]. На политический универсализм накладывался христианский экуменизм, сопряженный с идеей единого религиозного центра: на *Pax Romana* накладывался *Pax Christiana*⁶. В итоге вырабатывается политико-конфессиональный монистический принцип, согласно которому все народы образуют одну обширную семью в рамках единой христианской (по-прежнему Римской) империи под скипетром Христа, представителем которого на земле провозглашался единый (по-прежнему римский) император, обитающий в столице мира, Риме [15, с. 126].

В IV – VI вв. сформировались различные парадигмы Империи: западная провозглашала верховенство римского папы, в то время как империй может быть несколько, но все империи должны были подчиняться римскому (папскому) престолу (здесь, по выражению Н. Лисового, "идея Империи была переплавлена в идею папства, идею римского престола"); восточная, идущая от Евсевия Кесарийского, допускала существование различных конфессий, но только в рамках единой Империи [17, с. 11].

Заключение

Таким образом, структура "римского мифа" в период его наивысшего расцвета как государственной идеологии включала следующие идеи: древность римского народа; превосходство римлян над другими народами; совершенная политическая и военная организация римского общества; расположение богов к римскому народу; особая миссия Рима – объединить мир; священность и вечность Рима и созданной им империи; установление "римского мира" и возврат на землю "золотого века"; император как гарант продолжения "золотого века", вечности и единства империи.

В дальнейшем Рим из реальной столицы средиземноморского мира превращается в идеологическую абстракцию, символ великой государственности. Как следствие, развилась концепция абстрактного Рима, которая зажила своей осо-

⁶ По выражению А.А. Цукан, христианство "взгромоздило на руинах обветшавшего и официозного *Pax Romana* идеал *Civitas Dei*" – Града Божьего [1, с. 193].

бой жизнью, отделившись от исторического Рима, и была перенесена в наиболее характерных свойствах на столицы других великих держав. Так родилась теория "переноса империи" (*translatio imperii*) – переноса на другой город (страну) всемирно-исторического достоинства императорского Рима. Позднеримские и раннесредневековые авторы утверждали, что всегда существовала и должна существовать в мире некая универсалия исторической и политической жизни, которая называется Империей. Рим как Империя мыслился функцией, лишенной пространственно-временной характеристики; носителями ее могли быть различные государственные образования [13, с. 6]. Идеи постоянства и вечности Римской империи стали основой для *translatio imperii* ко "Второму" и "Третьему" Риму.

В средние века римская имперская традиция продолжалась как на западе, так и на востоке бывшего римского мира. Однако сохранялась идея "Римской империи" как государственного образования в целом, в то время как роль Рима как столицы отходила на второй план: католическая церковь использовала имперскую идею для утверждения своей всеобщности, германские императоры лишь формально носили титул "римский", а Константинополь хоть и сохранил видимость прежнего Рима, но наполнил ее другим содержанием [14, с. 88-89; 18, с. 41]. И все же термин "римский" в титулатуре присутствовал обязательно: Рим давно стал символом непреходящей славы и вселенского величия (византийские панегиристы делали Константинополю самый возвышенный комплимент, используя выражение "Новый Рим" – *Νέα Ρώμη*) [19, с. 77].

"Римский миф" в своей заключительной интерпретации (как идея "Вечного Города" с особым статусом и особой судьбой, сакрального центра вселенской империи) оказался очень живуч. Он сумел пережить самое Римское государство и стал основой и образцом для появления политических мифов позднейшего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цуркан, А.А. Имперское сознание римлян как мифологический феномен (к вопросу о специфике "римского мифа") / А.А. Цуркан // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманитарные науки. – 2001. – № 2. – С. 180-193.
2. Полосин, В.С. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. – М.: Ладомир, 1999. – 440 с.
3. Колобов, А.В. Этапы развития "римского мифа" / А.В. Колобов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.centant.ru/centrum/ant_ru/myth.htm. – Дата доступа: 02.09.2008.
4. Шкаренков, П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха / П.П. Шкаренков. – М.: Изд. центр РГГУ, 2004. – 270 с.
5. Шнирельман, В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика / В.А. Шнирельман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knigite.abv.bg/is_ran/is_ran_2.html. – Дата доступа: 12.08.2008.
6. Кнабе, Г.С. Рим Тита Ливия – образ, миф, история / Г.С. Кнабе // Тит Ливий. История Рима от основания Города: в 3 т. – М.: Наука, 1994. – Т. III. – С. 590-655.
7. Найдыш, В.М. Философия мифологии / В.М. Найдыш. – М.: УИЦ "Гардарика", 2002. – 554 с.
8. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О. Фрейденберг. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 894 с.
9. Арбатов, А.Г. Российская национальная идея и внешняя политика / А.Г. Арбатов. – М.: МОНФ, 1998. – 62 с.
10. Штаерман, Е.М. Кризис античной культуры / Е.М. Штаерман. – М.: Наука, 1975. – 183 с.
11. Зелинский, Ф.Ф. Римская империя / Ф.Ф. Зелинский. – СПб.: Алетейя, 1999. – 486 с.
12. Шабага, И.Ю. Славься, император! Латинские панегирики от Диоклетиана до Феодосия / И.Ю. Шабага. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 141 с.

13. **Каталано, П.** "От Рима к Третьему Риму": итоги и перспективы изучения проблемы / П. Каталано // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 6-11.
14. **Бреци, П.** Рим – Константинополь: континуитет или инновация? / П. Бреци // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 81-92.
15. **Медведев, И.П.** Роль Византии в средневековом христианском мире вообще и христианизации Руси в частности / И.П. Медведев // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 124-134.
16. **Мязина, О.Б.** Представления об императорской власти и исторических судьбах Рима в контексте полемики христианства и язычества на рубеже IV – V вв. (по материалам творчества Пруденция): автореферат дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.03; О.Б. Мязина; Казан. гос. ун-т – Казань, 2002. – 26 с.
17. Три Рима / Сост.: Н.Н. Лисовой, Т.А. Соколова. – М.: ОЛМА-пресс, 2001. – 463 с.
18. **Кузицин, В.И.** К вопросу о формировании концепции Первого Рима. От латинского городка к средиземноморской столице / В.И. Кузицин // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 41-53.
19. **Паван, М.** Константинополь: от Рима к Москве / М. Паван // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. – М.: ИРИ, 1997. – 376 с. – С. 60-80.